

Ода вину

Алику, Валерию Стукову

Пил человек
Плохое вино
Процеживал через сито
Крепленую кровь
Пьянел человек
Причмокивая
И через
Единственный глаз
Стакана
Уже не сочилась
Нежность
Стакан наливался
Человеческой пустотой.

Во славу музыки

Владимиру Харитонову

Душа опрокинута	К перилам звонниц
Как пустой стакан	Как язык
Колоколом	Загнанного коня
Напоившая небо	Во все тяжкие
Малиновым звоном	Во славу музыки
Ботало привязано	Небесной

* * *

Ларье Табаевой

Мне приснились твои глаза	С которой начиналась
В отлетающем лифте	Ваша и наша Сибирь.
Створки дверей	Слышу как стены
Гильотиной	Расправляют плечи
Разрубили надвое	Уставшие носить крышу
На прошлое и будущее	Над срубом
Разделили нас	Над моей головой
Обвитых дыханием ветра	В альматере
На день и ночь	Ходили с погонялом
В календаре	Сибариты
Непрочитанных календ	А однажды
И теперь я еще искатель	Я как ветер
Женьшени	Поправил локон
В Уссурийской тайге	Упавший на твой высокий лоб
Ищу свои родовые корни	Прошептала
На некисельных берегах	Прошелестела словно трава
Усыхающей Лены	Вслушалась в песню мою
Падчерицы Байкала	Лебеда ты моя
На разворванной печке	Лебедушка
Кипячу иван-чай	Лебеда ты моя лебеда
Слышу как скрипят	И кутаясь в теплые слова
Половицы	Словно в шаль
Под мягкой поступью	В унисон
Шагов	Подпевала мне
Сибирских казаков	Луна
Рубивших Верхоленскую засеку	В околзвездной мишуре...

«И след медвежий сияет радугой»

Н. Сильвестрову

Чуть ниже губ	где запах черемши
Чуть выше глаз	что Русью пахнет
где обоняние фехтуя	с души воротит
флиртует с обонянием	где в паутине

духов тончайших
уводят в плен и тлен
цветущие поляны
Соболезнуя
сочувствую собакам
Их черно-белый мир
понятен им одним
И след медвежий
для них одних сияет
радугой
под которой
в таратайке грома
проскакал июльский дождь
О Ахиллесова пята мужчин
носки
О нюх
приноровленных к изыску
женщин
И счастлив блудный сын
кремнистою сверкая пяткой
И в призме Млечного тумана
где в белом молоке
купают утренние звезды
звук обрастает цветом
Как воробы

купаются в пыли
вокруг цветка
жужжавшей каруселью
роятся пчелы
Губами пухлыми от меда
пьют на нектаре
замешанный зной
И в эфемерности миров
словно в золотом лесу осеннем
так остро пахнет женщиной
Кто чесноком
А кто селедкой
Гурманно все
пока безумен
Духмяно все
пока не сыт
Ладонью
опахальной
мы разгоняем дым
чтобы вдохнуть
аромат незабудок
с благоуханием роз
укрытых
одной шанелью
номер пять.

Радуемся солнцу

Нинель Тененбаум

Прилежными учениками
Корпящими над домашним заданием
Не поднимая головы от земли
Коровы хрумкают
Песню вечной жвачки
Заблудшими язычниками
Радуемся солнцу
Истуканами
На освещенных полянах
Не для кухонного застолья
Раздуваем кострище
Печем картошку
С подгорелой кожурицей
Варим во славу лешего
Чай лесной
Под жужжанье незлобивой мошкары
Перед зимою

Все не злы
Желтой проседью
Хорохорятся зеленые листья
Надорванной паутиной
Вижу в уголках глаз
Твоих
Морщинку
И твоя улыбка
Улиткой
Догоняет мою улыбку
В чащобе виноградных листьев
Как богоборец
Укравший с неба огонь
Не обжигая рук
несу тебе
Разгоревшийся
Осенний букет.

На лестнице, уходящей в небо

Сергею Иоффе

Как птицы
Перед пением распевкой
Росой полощут горло
На лестнице крутой
уходящей в небо
С врачом сердешным
Глушили спирт
Я был величаво велик
напечатал в большой газете
с графоманским придыханьем
шелестел страницами
подписуя
автограф
шелестел страницами
Как ветер шелестит листвой
Глаза прищуришь
Как загадочный монгол
Друг сердешный нес вздор
Про переселенье душ
Про тайны слова
И иносказанья
Вдруг с поднебесья
С пролёта верхнего
Голос мягкоугловатый:
«Я с вами в лодке
Но я не смочил весло
И крылья неподвижны
В штиле поникшие паруса
Какая может быть тяга
В лестничных пролетах
в запретное небо
но и у идущих
бьется сердце
биением трепещущего стяга
в диссонанс крыльям

ветряной мельницы
Дискомфортно все
И палата эдемской оскоминой
И арестантская пижама
Приговоренных
Заживо умереть
Налейте и мне
Медицинской утехи
Плесните
Придуманной
радости
Я тоже могу шагать
По листу белой бумаги
Бумаги белее мела
А бледность на лице
Когда-нибудь пройдет
Когда захлопнут
Дверь
Надо мной
Сквозняк
От прошедшей санитарки
С крестом на белой шапочке
И полетели
Листы газетные
По лестничным пролётам.
Хотелось петь
И плакать навзрыд
Утыкаться в чью-то жилетку
Теленком в сосцы
матери коровы
цензурой госпитальная тишина
и цезуры на тонких ногах
Вышагиваю важно
По болоту
Застоявшейся жизни.

Дороги

Любови Сухаревской

Слепые
Выбирают
лиру наощупь
пятылучием пальцев
где даже

на мизинце миллионы
ангельских глаз
и согласно
монаршему вкусу
играю

кто на сэмисэне
кто на арфе
на лютне и кифаре
А ты
Самая светлая женщина
Даже в белой петербургской
Ночи
В невидном сарафане
Сшитом из нашего
Сибирского разнотравья
Казалось
Что ты в высокой зале
На балу
Скифы играли на сопилке
И в щиты колотили
Акипаками
Как в барабан
Что ж
Даже и в печальной
Музыке
Струится светлый родник
Все мы
Странники на этой земле
Кто дервиш

Пилигрим
Бродяга
клошар (не иркутский поэт)
бродим
каждый по своей тропе
строфе
и по прочей поэтической
галиматье
и у каждого свой талмуд
тропарь
часослов и несуетный требник
Ты как-то сказала:
Не мы выбираем дороги
Дороги выбирают нас...
И тебя
Закружила своя дорога
Господи
Напои колодезной водой
Чтобы холодом ледяным
Стыли голодные зубы
Небесного гаишника
Чтобы твоя дорога
Плавно и не помпезно
Влилась во Млечный Путь

«Пока в прожилках листа»

Пока в прожилках листа
Еще пульсирует
Черная кровь земли
И все проводившие лето
Почерневшей от загара рукой
Сморкаются от простудной гибели
В носовые платки облаков
И шубы вздымаются
залежавшейся шерстью
и пуговицы блестят восторгом
девиц перед зимним балом
и нагретые июльским
августовским солнцем
перчатки как норы
ждут замерзшие пальцы
ветер неизвестно по кому тоскуя
гремит пустыми бутылками
в рваной авоське
как горемычный пьяница
бредущий в приемо-сдаточный киоск

разбросаны письма
прошедшего лета
и в их шуршании
слышен слабый писк
цикад
Хотя так безумно
Хорошо пелось
Когда звезды закрывали
Чарующие глаза
А луна задергивала
Полог небесного алькова
И камни
Которые не держали за пазухой
Еще хранят тепло
И запоздавший муравей
Такое множество лапок
Что разлив по наперсткам
Всему живому на свете
Хватило бы
На веки вечные

В забытой паутине
Погибает несмышленная муха
Заплутавшая в тропах судьбы
И на карандашах
Заскучавших
От бездельного лета
Набухают почки
Значит что-то в мире
Случится
Значит что-нибудь

Произойдет
И не хочется верить
Что мертвые листья
Сраму не имеют
Как метели
Заблудившемуся путнику
Жалости не имеют
И теплится
Чей-то очаг
И приоткрыта дверь...

Ветер

Под заунывную песню ямщика
Поднимем бокалы
Потеплевшие желтые окна
До краев наполнены теплом
И можно замерзшей
веткой как лапкой
постучать в стекло
на вопрос
кто
ответят
ветер.

«За вуалью крыл»

По-над пропастью
Рассвет
Погибель и реквием
По сгнувшей
Безвестно пропавшей ночи
Спотыкаясь
Устал брести глаза
Ресницами простукивая путь
Словно слепые
Отлюбивших
Безмолвствуют погасшие рты
Как воду спокойные рыбы
Глодают поелику воздух
Вскрикивают птицы во сне
Прячась за вуалью крыл
От шторма истончается нить
Удержавшая над бездной меня

Ночь не пролившая
Из черных туч ни капли
Не проронившая ни зёрнышка
Заученной трагедией
Прольётся всеЛенский дождь
Спелой ржи
И без вины виноватые
Завтра
Голубоглазые васильки
Всебазарно и всенародно
Назовут сорняками
И в случайной вазе
По колено в воде
Сполохами
Заполошно проохают
Всенощную
По утерянной красоте.

Очеуль*

*Неточке Жилиной
посвящается...*

Зыбка трясена леностью гниющих трав
скрежетом проржавевших мечей осоки
отгоняет
зазевавшихся прозрачных стрекоз
Болотной ряской как
истрёпанной церковной рясой
Укрыта
Рябь
Отволновавшейся
Проточной воды
И чавкает сытая грязь
Льнущая к сапогам
Уходящим прочь
В ночь
И подалье
От затихающей затхлости
Как в старости
Уходящей жизнью очарованной
Воды
И не спросит участливо
Надувшая щёки лягушка
Не болит ли головка у родника
Как в самоделишной трагедии
И вбит журавлиный клин

В индигированную
Твердь неба
И танцующая капля
На пустой сцене
Запыленного стекла
Под крики восторженных оленей
Зрители
Непокрытой головой
Копытом перелистывающей
Засохшие зимние травы
как страницы Красной книги
И море разливанное
марьиного коренья
Исплетена
не высохла свежая паутина
и золотая муха видит радужные сны
как рассыпает бисер
на ковер травы зеленой
гусятинная порванная нить
из толстых губ
разорвавшихся оленей
вместо надоевших Бис
срывается хлопьями пены:
Очеуль, Очеуль, Очеуль...

Руки

Предошущение весны

Молчановой Жене

Провисают
Под взглядом моим
Молнии
Словно тысячу лет
Спускаясь
Заклято
Не прикоснуться губами
К закату
Тают дворцов ледяных
Отражениями
Первое поражение
И чувствуют девочки

В себе подмену —
Холод талой воды
В подмышках
До бога обречённым облаком
До боли
Рукава пустые
Словно кто-то спрятался там
Чуть-чуть припудриваешь глаза
Прикрывая свою наготу
И как щит
Прибитый к голубому небу
Твой ноготок парит...

*Очеуль — непереводимое слово восхищения, как очей очарование.

Полуденный сон

Оксане Ходий (Запольской)

И когда посох солнца
Полуденного
тенью себя
Нарисовало полдень
И за что нам господи
Пекло такое
Сознаюсь как на Ду Фу
Мы не гршили
На этой земле
А любовались цветами
Посаженные как попало
В угодных Богу местах

Лёгким кивком головы
Остановил облако
Проплывающее надо мной
И прикрыл солнце
Стыдливой ладонью заката
И заблестели
Заиграли
Конопушки на твоём лице
Как крупинки золота
В лотке старателя
Застолбивших удачное место
В горних ручьях.